

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

*Работа представлена кафедрой онтологии и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. С. Гусев

В гуманитарном познании роль философии просматривалась в поисках и определениях проблемно-смыслового измерения бытия людей, определяющего характер и содержание человеческих стремлений. Проблема взаимодействий категорий времени и пространства в гуманитарных науках является одной из актуальных тем в современной методологии. Время и пространство – важнейшие онтологические характеристики, которые являются конституирующими элементами любой картины мира.

Ключевые слова: гуманитарное познание, категории, пространство, время, онтология.

P. Lyubimov

CATEGORICAL LANGUAGE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

The main role of philosophy can be seen in the search and definitions of the problem-sensed dimension of human being, which define the character and content of human endeavour in humanitarian knowledge. The problem of interaction of the time and space categories in the humanities is one of the relevant topics in modern methodology. Time and space are the important ontological characteristics, which are the constituting elements of any world picture.

Key words: humanitarian knowledge, categories, space, time, ontology.

В гуманитарном познании роль философии просматривалась в поисках и определениях проблемно-смыслового измерения бытия людей, определяющего характер и содержание человеческих стремлений. Поэтому данную тему мы будем рассматривать сквозь призму взаимоотношений таких категорий, как пространство и время. Потому что проблема взаимодействий категорий времени и пространства в гуманитар-

ных науках является одной из актуальных тем в современной методологии. Время и пространство – важнейшие онтологические характеристики, которые являются конституирующими элементами любой картины мира.

Теории пространства и времени в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира, поясняя, в каких именно координатах и векторах описываются

динамика и статика человеческого бытия. Примечательно, что необходимость такого рода «обыденной», «естественной» онтологии обнаруживается не только в контексте литературы, мифа, магии и религии, но и в гуманитарных науках.

Рассмотрение проблемы времени в гуманитарном знании может опереться на важнейшие идеи философов, размышлявших о природе времени и пространства. Из концепции времени Канта следуют две идеи, важные для выяснения как форм присутствия времени в познании, с одной стороны, так и способов познания самого времени — с другой. Первая — это идея об априорности (a priori — до опыта) времени как необходимом представлении, лежащем в основе всего познания как его «общее условие возможности». Оно представлено аксиомами, главными из которых являются следующие: время имеет только одно измерение; различные времена существуют не вместе, а последовательно. Эти основоположения имеют значения правил, по которым вообще возможен опыт как следствие чувственного созерцания, они наставляют нас до опыта, а не посредством опыта, как априорное знание они необходимы и строго всеобщие.

«Неотделимость времени от пространства, неизбежность при изучении природных процессов одновременно изучать и время, и пространство, устанавливают два положения: 1) время, как и пространство и как пространство-время, может быть только одно; 2) изучая время одновременно с пространством, ход времени неизбежно будет выражаться векторами. Это не будет линейное выражение времени, как иногда говорят — это будет векториальное его выражение. На данной линии могут быть размечены между двумя и теми же точками несколько векторов на аналогичных им по положению в пространстве-времени направлениях» [3, с. 297].

Бесспорно, что и время и пространство отдельно в природе не встречаются, они неразделимы. Мы не знаем ни одного явления, которое не занимало бы части пространства и части времени. Только для логического удобства представляем мы отдельно пространство и отдельно время, только так, как наш ум во-

обще привык поступать при разрешении какого-нибудь вопроса.

Французский мыслитель А. Бергсон, разработавший концепцию времени как длительности, «дления» (duree), пересматривал все основные понятия философии с точки зрения этой концепции, в том числе главные категории теории познания — субъект и объект. Он пришел к выводу, что «их различия и их соединения должны быть поставлены скорее в зависимость от времени, чем от пространства». Полемизируя с Кантом, он вместе с тем вдохновляется его идеями о времени как «внутреннем чувстве», о связи с ним субъективности. Однако время для него не априорная форма внутреннего созерцания, но непосредственный факт сознания, постигаемый внутренним опытом. Как длительность, время предстает неделимым и целостным, предполагает проникновение прошлого и настоящего, творчество (творение) новых форм, их развитие. Введение Бергсоном понятия длительности свидетельствует об определенной философской переориентации, связанной со становлением исторического самосознания науки, с исследованием методологии исторического познания, попытками описывать саму реальность как историческую. Он осознает, что время человеческого, духовного и социального существования — это иная реальность, исследуемая и описываемая другими методами, нежели физическая реальность. Время Бергсона есть время реальное, проявляющееся и создающееся в процессе творческой эволюции жизни. Время идет в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как этот порыв и эволюция есть основное условие существования Мира. Время есть проявление — созидание творческого мирового процесса.

Особая тема, которой пока посвящено незаслуженно мало работ, — это введение фактора времени в художественные тексты, выяснение его роли, образа и способов присутствия, обратимости, изменения скорости протекания и многих других свойств, не присущих реальному физическому времени, но значимых в искусстве, культуре в целом. Так, известный филолог и философ М. Бахтин оставил инте-

реснейшие идеи о времени, человеке и культуре, а также об особом сочетании времени и пространства — хронотопе в художественном видении и текстах. Зная идеи И. Канта, А. Бергсона, Г. Когена, а также, можно предположить, герменевтиков о времени, Бахтин тем не менее ищет и находит свое видение пространства и времени, которое несомненно значимо для современного понимания природы темпоральности и пространственности в познании. Отмечу наиболее важные прозрения мыслителя, которые могли бы быть развернуты в ряд специальных исследовательских программ. М. М. Бахтин соединяет сознание и «все мыслимые пространственные и временные отношения» в единый центр. Переосмысливая категории пространства и времени в гуманитарном контексте, он ввел понятие хронотопа как конкретного единства пространственно-временных характеристик для конкретной ситуации. Бахтин оставил своего рода модель анализа темпоральных и пространственных отношений и способов их «введения» в художественные и литературоведческие тексты. Взяв термин «хронотоп» из естественно-научных текстов А. Л. Ухтомского, Бахтин не ограничился натуралистическим представлением о хронотопе как физическом единстве, целостности времени и пространства, но наполнил его гуманистическими, культурно-историческими и ценностными смыслами. Он стремится раскрыть роль этих форм в процессе художественного познания, «художественного видения». Обосновывая также необходимость единого термина, Бахтин объясняет, что в «художественном хронотопе» происходит «пересечение рядов и слияние примет» — «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 121–122].

В контексте исторической поэтики Бахтина и выявления изобразительного значения хронотопов не должен остаться незамеченным феномен, обозначенный как субъективная игра временем, пространственно-временными пер-

спективами. Это специфическое для художественной, вообще гуманитарной реальности явление — трансформация времени или хронотопа под воздействием «могучей воли художника». Столь пристальное внимание самого Бахтина к «субъективной игре» и богатство выявленных при этом форм времени заставляют предположить, что за художественным приемом есть и более фундаментальные свойства и отношения. Наиболее ярко «игра временем» проявляется в авантюрном времени рыцарского романа, где время распадается на ряд отрезков, организовано «абстрактно-технически», возникает «в точках разрыва (в возникшем зиянии)» реальных временных рядов, где закономерность вдруг нарушается. Здесь становятся возможными гиперболы — растягивание или сжимание — времени, влияние на него снов, колдовства, т. е. нарушение элементарных временных (и пространственных) отношений и перспектив.

Принимая кантовскую оценку значения пространства и времени как необходимых форм всякого познания, Бахтин, в отличие от Канта, понимает их не как «трансцендентальные», а как «формы самой реальной действительности». Он стремится раскрыть роль этих форм в процессе художественного познания, «художественного видения». Обосновывая также необходимость единого термина, Бахтин объясняет, что в «художественном хронотопе» происходит «пересечение рядов и слияние примет» — «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем». При характеристике раблезианского хронотопа время для него «глубоко пространственно и конкретно»; оно «как бы вливается в пространство и течет по нему» (хронотоп дороги). Вместе с тем, отмечая такой «взаимообмен» приметами, Бахтин совершенно определенно считает, что симметрия этих форм (при их единстве) необязательна для художественной реальности, так как время — «ведущее начало в хронотопе» — и главной для него, как исследователя, предстала именно проблема времени.

Здесь видится определенное сходство с идеями Бергсона, который, исследуя особенности представления времени как длительности, заметил, что мы, «привыкшие к идее пространства, даже преследуемые ею», бессознательно «проецируем время в пространство, выражаем длительность в терминах протяженности, а последовательность выступает у нас в форме непрерывной линии или цепи». Бергсон рассматривает время-длительность как самодостаточный, целостный и одновременно незавершенный процесс — главное основание человеческого бытия, истории и культуры и также ведущую роль времени, хотя и по другим соображениям, неоднократно подчеркивает Бахтин и также, например, замечает, говоря о хронотопичности внутренней формы слова как «опосредующем признаке, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)» [2, с. 220–223]. В целом размышления над текстами Бахтина о формах времени и пространства в художественных и гуманитарных текстах приводят к мысли о возможности превращения хронотопа в универсальную, фундаментальную категорию, которая может стать одним из принципиально новых оснований эпистемологии, до сих пор в полной мере не освоившей и даже избегающей конкретных пространственно-временных характеристик знания и познавательной деятельности.

Для понимания природы времени в познании и способов его описания особую значимость имеют опыт и идеи герменевтики. Время осмысливается здесь в различных формах: как темпоральность жизни, как роль временной дистанции между автором (текстом) и интерпретатором, как параметр «исторического разума», элемент биографического метода, компонент традиции и обновляющихся смыслов, образцов. Поэтому прежде всего значимо то, что в герменевтике, и в первую очередь у В. Дильтея, время становится внутренней характеристикой жизни субъекта, ее первым категориальным определением, основополагающим для всех иных определений. Время рассматривается как особого рода категория духовного мира, обладающая объективной цен-

ностью, необходимая для того, чтобы показать реальность постигаемого в переживании. Дильтей специально обратился к методологии исторического познания, наук о духе, культуре, и проблема времени разрабатывалась им уже в контексте «критики исторического разума». Он тесно увязал развитие общей теории понимания и интерпретации с развитием методологии истории, историзмом, что, в свою очередь, предполагает выявление их связи с определенным пониманием времени, с разведением значения этих категорий в естественных и гуманитарных науках. В естествознании время связано с пространством и движением, с понятием каузальности; оно делится на точно ограниченные отрезки, на происходящие в них процессы, что возможно, если время сводится к пространственным процессам. В науках о духе и культуре время носит исторический характер, тесно связано с внутренним смыслом и памятью, которая служит ориентации в настоящем и будущем. В историческом времени ничто не ограничивается и не обособляется, прошлое и будущее одновременно проникнуты друг другом, настоящее всегда включает в себя прошлое и будущее.

В герменевтике существует еще один опыт осмысления времени, также значимый для понимания методологии социально-гуманитарных наук. Речь идет о «герменевтическом значении временного отстояния», как определил эту проблему Г. Гадамер в главном своем труде «Истина и метод». За этим стоит постоянно возрождающийся вопрос: как интерпретировать текст — из времени автора или из времени истолкователя (разумеется, если их время не совпадает)? «Известно, что более позднее понимание текста обладает преимуществом: оно может быть более глубоким по отношению к изначальной трактовке, что говорит о неснимаемом различии между ними, заданном исторической дистанцией» [4, с. 353].

Этот подход предполагает иные оценки роли времени в герменевтическом понимании и интерпретации. «Временное отстояние» не является некоей пропастью, которую необходимо преодолевать, как полагает наивный историзм, требующий для получения объективно-

ти погружения в «дух изучаемой эпохи», в ее образы, представления и язык. Необходимо позитивно оценить отставание во времени как продуктивную возможность понимания исторического события, поскольку время – это непрерывность обычаев и традиций, в свете которых предстает любой текст. С этим связана присущая всем гуманитарным наукам сложность «объективного изложения» уже свершившихся событий. Наиболее наглядно это можно рассмотреть на примере исторической науки. Научная объективность здесь выполняема лишь в простых случаях, например в более или менее полном перечне имен, дат рождения. Но это формальное (математическое или, как говорил Хайдеггер, калькулирующее) познание не затрагивает глубин целостного исторического процесса. Ведь пишется бесконечное количество историй стран и народов, хотя в основе их лежат одни и те же факты и, казалось бы, достаточно лишь один раз дать их полный перечень.

Проблема категорий в гуманитарном познании фундаментальна, в той или иной степени

она исследуется давно, однако скорее эмпирически, описательно, нежели концептуально. Проблема социального времени, специфика исторического времени, природа времени в гуманитарных науках – вот наиболее распространенные направления исследований, т. е. само течение времени порождает изменение. Такой подход соответствует достаточно давно осуществленному П. Сорокиным и Р. Мертоном различению «астрономического» и «социального» времени, долго остававшемуся без внимания, хотя параллельно, например, в экономической литературе также нащупывалось различие времени двух типов – времени как «схемы мышления» и времени как «двигателя опыта». В исторических исследованиях присутствуют оба типа времени, хотя и в «разных пропорциях», что также зависит от того, идет ли речь о времени наблюдающего или действующего субъекта. Познание исторического времени происходит в «пространстве социальных наук», в частности политологии, экономики, социологии и психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. М., 1986. 432 с.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. 276 с.
3. *Вернадский В. И.* О жизненном (биологическом) времени // Философские мысли натуралиста. М., 1988. 383 с.
4. *Гадамер Х. Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.